

КАРАТЕЛЬНЫЙ ПОПУЛИЗМ В ЗАПАДНЫХ СТРАНАХ В 1990-Е ГОДЫ

Аннотация. В статье предлагается обзор литературы, посвящённой развитию отношения государства и общества к преступности в западных странах в последнем десятилетии прошлого столетия. Этот обзор даёт основания для вывода о смене преобладавших в 1960-70 годах либеральных настроений и подходов репрессивным консенсусом населения, политиков, правоохранительных органов и средств массовой информации. Для объяснения данного развития предлагаются 3 модели: лоббирования своих интересов представителями «правоохранительно-исправительного» комплекса, «подогрева» карательных притязаний населения политиками и СМИ и общественного мнения как фактора формирования уголовной политики.

Summary. The article provides an overview of literature on “punitive turn” of public, mass medial and political attitudes to crime in Western societies in 1990ies. This development is considered to have three sources: the vested interests of law enforcement bureaucracy and security industry; a law-and-order hysteria of politicians and mass media; public anxieties about crime and crime control.

Сведения об авторе: **Гольберт Валентин Викторович** – кандидат социологических наук, зав. сектором социологии девиантности и социального контроля Социологического института РАН. Адрес: 190005 г. Санкт-Петербург, д. 25/14. Телефон: +7(812)316 05 71. Электронная почта: valentin_golbert@hotmail.com

Политика предполагает коллективное решение общезначимых задач, которое требует легитимационных и иных ресурсов. Популизм в этом свете можно определить как псевдополитику, при которой средство (получение легитимационного ресурса) ставится на место цели (решение общественных задач с помощью этого ресурса). Популизм также представляет собой гипертрофию ответственности политиков перед населением и избирателями, их связи, здорового стремления к популярности (9). Более детальное рассмотрение популизма выделяет в нём такие черты, как

враждебность по отношению к представительной демократии, авторитаризм, анти-элитизм, недоверие к экспертам и патриотизм романтического характера (59). Популизм состоит в упрощении, редуционизме и предложении простых решений для сложных проблем. Ещё один аспект – достижение краткосрочных политических успехов ценой долгосрочной эрозии политического капитала соответствующей партии и политики в целом, роста цинизма, абсентеизма и т. п. Проблема противодействия самовоспроизводящейся тенденции развития популизма является одним из главных вызовов 21-го столетия (53, p. 184).

При систематическом исследовании популизма в западноевропейских странах на современном этапе были выделены следующие его признаки (7, S. 346):

1. Этнический и/или националистический коллективизм, сопряжённый с более или менее агрессивной ксенофобией;
2. Антилиберальные представления о социальном порядке, основанные на натуралистических мировоззренческих позициях;
3. Авторитарно-государственное мышление; стратегии социальной интеграции с опорой на харизматического лидера, пользующегося плебисцитарной легитимацией;
4. Неприятие партийной демократии, свободы мнений, плюрализма;
5. Приверженность осмыслению истории и политики в духе теории заговора.

Помимо вышесказанного, под популизмом понимается стратегия партийной конкуренции, состоящая в попытке мобилизовать сторонников безотносительно к традиционным социальным различиям и конфликтным линиям (например, между классами, фракциями классов, группами интересов и т. д.). В силу этого, популисты апеллируют к народу или большинству народа. Правый популизм предполагает приравнение социального вопроса к национальному, наряду с предложением националистических решений для социальных проблем. Популизм предлагает потенциальным избирателям идентификации дихотомического характера, основанные на двоичном кодировании: «мы и они», «местное население и иностранцы», «законопослушные граждане и преступники» (12, S. 54-57). Рассматриваемый феномен может принимать концентрированное обличье в виде собственно популистских партий и движений, либо же существовать в более диффузных формах – в

случае программногo сближения с популистами «партий демократического спектра» под давлением императивов обеспечения избирательных успехов (там же: 132-133). Перефразируя одного из популистских лидеров можно сказать, что в современной Европе «непопулисты могут быть успешными лишь в том случае, если они немножко популисты» (1, с. 51).

Расцвет карательного популизма в западном мире

Карательный популизм предполагает «преобладание в уголовной политике мотивов получения избирательных преимуществ над мотивами эффективности контроля над преступностью» (53, р. 5). Разрастание данного феномена наблюдается во всех без исключения странах западного мира на протяжении последних десятилетий: наказание стало «ходовым политическим товаром». Благоприятную питательную почву для карательного популизма представляет собой рост карательных притязаний населения, а следствием является ужесточение уголовной политики. Тема борьбы с преступностью, преступления и наказания получила такой вес и популярность в политике, о какой не могла и мечтать всего три десятилетия назад, когда в моде были аболиционизм¹ и некарательные подходы. На этом фоне, показатели применения тюремных мер устремляются ввысь. Расширение практики альтернативных или некарательных (ресторативных и превентивных) мер нисколько не меняет положения дел – эти меры вписываются в данную тенденцию, коренным образом меняя свой характер. Ирония истории состоит в том, что всё это происходит как раз тогда, когда растущий до этого уровень преступности начал снижаться (53, р. V и далее, р. 3 и далее).

Введение альтернативных санкций обесценивается в некоторой степени тем фактом, что как публика, так и судьи относятся к ним весьма скептически, считая их недостаточно суровыми. Это находит отражение и в официальных утверждениях высших инстанций британской полиции и системы уголовного правосудия (48, р. 34-35). Опрос 1996 года по национальной выборке в США показал, что более половины населения считает общественные меры слишком мягкими (57). Это мнение

¹ Течение в криминологии, представители которого предлагают радикальную реформу уголовного права: по их мнению, основной целью этой отрасли права должно быть не наказание преступника, а возмещение нанесённого им ущерба (32). Эти предложения носят настолько радикальный характер, что дают некоторые основания видеть в аболиционистах сторонников отмены уголовного права.

разделяют судьи, постоянно указывающие на недостаточную суровость общественных мер воздействия на преступника, не верящие в них и, по возможности, воздерживающиеся от их применения (39, р. 175). Аналогичная ситуация наблюдается в Ирландии (42, р. 316), Канаде и Австралии (48, р. 35). Расширение законодателем арсенала санкций, не связанных с лишением свободы, отнюдь не привело к сокращению практики приговоров к лишению свободы в Канаде, Англии и Уэльсе (20; 14, р. 153; 11; 48, р. 35). Esmee Fairbrain Foundation в Великобритании издавна систематически поддерживает проекты волонтерского сектора по предотвращению преступности, а также реабилитации осужденных в местах лишения свободы и по месту жительства. В 1990-х годах осуществление этих программ всё более затруднялось ростом карательных настроений в политических кругах и средствах массовой информации (2, р. XVII).

В 1990-х годах либеральные правительства (Клинтона, Блэйра и им подобных) не только продолжали репрессивный уголовно-политический курс предшествовавших им консервативных администраций. Они усилили и углубили данную тенденцию. Из 18 лет господства консерваторов в Англии с 1979 по 1997 гг., вопреки их жёсткой уголовно-политической риторике, 13 лет проводилась политика либеральных уголовно-политических реформ, причём в условиях постоянного роста преступности по статистическим данным (53, р. 44). В целом, сохранение либерального курса объясняется рациональными взглядами секретарей «Хоум Офис» Уильяма Уайтлоу и Дугласа Хёрда: они считали лишение свободы не более чем «очень дорогим методом, сделать дурных людей ещё хуже». Занимая очень прочные позиции внутри партии, они располагали возможностью игнорировать уже ощутимое в тот момент времени нарастание карательных настроений широкой публики (53, р. 45). В результате, консерваторы сумели убить двух зайцев: сохранить имидж непримиримых борцов с преступностью и сократить бюджетное бремя содержания тюремной системы (там же, р. 46). Их жёсткая риторика сделала их неуязвимыми для критики оппонентов в попустительстве преступности. Их либеральная уголовная политика сделала их неуязвимыми для критики слева.

Ведение избирательной кампании либералами против консерваторов в 1992 г. под правопорядческим (Law-and-Order) лозунгом стало историческим курьёзом. Тони Блэйр, тогда теневого секретаря «Хоум Офис», выдвинул лозунг «решитель-

ной борьбы с преступностью и причинами преступности» (tough on crime, tough on the causes of crime). Под давлением общественного мнения, консервативные политики изменили свой уголовно-политический курс на 180% в направлении принятия жёстких мер, однако это уже не могло спасти их от электорального поражения (53, р. 47). Вместо обретения популярности они потеряли лицо в результате явно поспешного и ориентированного на снискание дешёвой популярности отказа от уголовно-политических принципов, которыми они руководствовались до тех пор. По иронии истории, идентичную ошибку политического гипероппортунизма совершили социал-демократы в Гамбурге в 2001 году.

По данным Международного исследования потерпевших от преступлений (ICVS), с 1989 гг. поддержка тюремных мер выросла во всех странах Западной Европы (за исключением Франции и Бельгии), а также в Австралии, Канаде, Новой Зеландии и США. Сравнение данных ICVS за 1996 и 2000 годы по 7 странам показывает статистически значимое возрастание сторонников применения тюремной меры в отношении стандартной фигуры, для которой в анкете предлагается выбрать надлежащее наказание – 21-летнего мужчины, прежде судимого, совершившего кражу с взломом и похитившего при этом телевизор (6). Преимущественный показатель роста предпочтений в пользу лишения свободы находится на уровне 10% (Англия и Шотландия по 13%; Нидерланды и Канада по 12%, Северная Ирландия 9%; США, Финляндия и Австралия – от 2% до 4%). В странах Центральной и Восточной Европы, напротив, этот показатель в 1996-2000 гг. существенно снизился, на 20-21% в Грузии и Литве, на 11% в России; в то же время, в Латвии и Хорватии он слегка вырос, на 3% и 7% (40, р. 74-75). Сравнивая отдельно Западную Европу с крупными городами Центральной и Восточной Европы, можно убедиться, что снижение карательных притязаний происходит в странах с относительно высокими показателями использования лишения свободы, а рост – в странах с относительно низкими показателями (там же, 69). Это позволяет ожидать своеобразного «выравнивания».

В то же время, по ряду аспектов отношение публики к преступлению и наказанию в США заметно сдвинулось в направлении либерализации. Это касается потребления марихуаны, а также взглядов на приоритетность карательных мер или воздействия на социальные причины преступности: в 1994 году карательные меры

предпочитали 42%, а социальные – 48%; в 2002 году соотношение оказалось 35% к 65%: (19, р. 148). Относительно благоприятные возможности для проведения рациональной уголовной политики имеют правящие партии или коалиции, если они чувствуют себя уверенно благодаря наличию стабильного парламентского большинства и благоприятным прогнозам электоральных опросов. В такой ситуации они оказываются в состоянии сопротивляться давлению со стороны популистов. Этим, в частности, объясняется успешный опыт недавнего реформирования системы ювенальной юстиции в Канаде (53, р. 124-5). Чем непосредственнее ощущается угроза утраты власти, тем сильнее возрастает склонность к принятию популистских мер. Эта закономерность носит достаточно универсальный характер и может использоваться для объяснения положения дел в России.

В целом же, в то время как в странах третьего мира и бывшего социалистического лагеря развитие характеризуется амбивалентностью и эклектикой, в «развитых» странах репрессивная тенденция является преобладающей и определяющей. Подтверждающие это литературные источники воистину безбрежны, так что специальное и систематическое рассмотрение их составило бы предмет отдельной работы. Здесь имеет смысл сослаться лишь на некоторые из них (15; 24; 61). Далее, рассмотрению подлежат три альтернативные объяснительные модели данного развития.

Модель 1. Корпоративные интересы «правоохранительно-исправительного» комплекса как движущая сила репрессивного развития

Первая модель, объясняющая репрессивные тенденции, придаёт центральное значение лоббированию карательных инициатив заинтересованными в этом отраслями государственной администрации и частной индустрии. Ряд авторов отмечает, что военно-промышленный комплекс США, гипертрофией которого был в своё время обеспокоен Дуайт Эйзенхауэр, не находится более в гордом одиночестве. Компанию ему составляет правоохранительно-исправительный комплекс (*law-enforcement-and-correctional-complex*), включающий в себя как государственно-бюрократическую, так и рыночно-индустриальную составляющие (3, р. 87-107). Руководствуясь мотивами самовоспроизводства и саморасширения, данный комплекс навязывает политическому руководству, средствам массовой информации и

населению выгодное для себя видение социальной реальности. Это видение характеризуется рассмотрением проблемных аспектов реальности на основе системной логики обеспечения безопасности. Культурная, экономическая, национально-этническая, сексуальная и прочая проблематика кодируется в виде вопросов экономической, культурной, национально-этнической, сексуальной и прочей безопасности: общество наблюдает себя через призму и с точки зрения понятия безопасности (35, S. 155). Ключевым элементом такого кодирования или наблюдения является каузальная привязка проблем к морально упречным действиям персонифицированных субъектов – индивидов и групп лиц. Альтернативная, принципиально иная логика диагностики и терапии социальных проблем характеризуется тем, что в центре её внимания и воздействия находятся безличные структуры – социальные институты и отношения. Интерпретация социальных проблем через призму понятия безопасности представляет адекватным средством их решения силовые методы нейтрализации, устранения, наказания, устрашения лиц, чье злоумышленное, легкомысленное, беспечное либо халатное поведение является источником разного рода (экологических, технологических и прочих) рисков и опасностей. Таким образом создаётся легитимационная база для расширения ресурсного снабжения и повышения статуса бюрократических и индустриальных структур, занятых менеджментом рисков. Помимо собственно карательно-правоохранительных и уголовно-исполнительных служб, сюда относятся страховые компании, охранные фирмы, производители средств безопасности. Согласно данной гипотезе, наиболее последовательно разработанной Нильсом Кристи (15), в современном обществе подсистемы, занятые обеспечением безопасности, обретают всё большую автономию. Они уходят из-под общественного контроля и доминируют в определении приоритетов развития над легитимными субъектами власти. В этом можно усмотреть систематическое нарушение принципов формальной демократии.

Можно привести целый ряд конкретных случаев, в которых правоохранительно-исправительный комплекс выступает инициатором, вдохновителем и организатором роста репрессивных настроений в обществе. Так, в 1985-1986 гг. Агентство по контролю за оборотом наркотиков (DEA, Drug Enforcement Agency) в США запустило в средствах массовой информации кампанию нагнетания истерии с целью расширения собственного бюджета. В этом признался сам директор агентства Ро-

берт Статман. Количество репортажей о наркотиках в «Нью-Йорк Таймс» выросло с 43 во второй половине 1985 до 220 во второй половине 1986, этой тенденции последовали и другие средства массовой информации. В плане расширения бюджета, данные усилия окупились (5, р. 67).

В отстаивании и продвижении карательной тенденции, заинтересованные лица и ведомства могут либо провоцировать и инициировать истерические настроения, на которые затем и ссылаются в обоснование этой тенденции; а могут ссылаться на «воображаемое» общественное мнение. В основе такого «воображения» лежит представление, что большинство граждан поддерживает карательные меры, а государственная администрация всего лишь выполняет волю граждан. С 1976 года Верховный суд США последовательно выступал за сохранение смертной казни, мотивируя это поддержкой её со стороны общества. Данные национальных опросов, на первый взгляд, подтверждали эту аргументацию: процент высказывавшихся за сохранение смертной казни рос с середины 1960-х гг. Однако при более пристальном рассмотрении оказалось, что суд не критично относился к данным опросов. Это проявилось при изменении постановки вопроса, когда респондентов не просто спрашивали, выступают ли они за или против сохранения смертной казни, а предлагали сделать выбор между смертной казнью и пожизненным заключением без права на условно-досрочное освобождение. Если при постановке вопроса только о смертной казни в различных штатах от 70 до 85% выступали за смертную казнь, то при выборе между казнью и пожизненным лишением свободы эта доля упала в большинстве штатов ниже 30-процентной отметки, и только лишь в Джорджии достигла 40 процентов. Помимо этого было выявлено, что поддержка смертной казни обусловлена тем, что общественность недооценивает суровость применяемых в действительности наказаний, альтернативных смертной казни. Третий результат показал, что публика высоко оценивает риск нарушений принципа справедливости в применении смертной казни. Под нарушениями понимались такие случаи, когда за аналогичные деяния и при прочих равных обстоятельствах кого-то отправляют за решётку, а кого-то на электрический стул. Несколько наивным представляется вывод автора, что суд изменит свою позицию, если убедится, что в действительности публика в большинстве своём вовсе не поддерживает смертную казнь (10).

На фоне подобных фактов вполне уместно полагать, что поддержка гражданами более суровых мер, на которую ссылаются политики, является либо изобретением самих политиков, либо же продуктом недобросовестной интерпретации общественного мнения. На самом деле, граждане отнюдь не возражают против альтернативных наказанию мер. Они поддерживают их так же, как в 1960-е годы, вопреки существенно возросшей с тех пор поддержке наказания (17; 19). Неправомысленность интерпретации опросных данных политиками и представителями судебного корпуса состоит в представлении о том, что граждане рассматривают наказание и ресоциализацию как конкурирующие меры, выбирая то, что для них важнее. В действительности же, граждане рассматривают эти меры как дополнительные и поддерживают, в конечном итоге, комбинацию наказания и мер ресоциализации (19, p. 149).

В демократических государствах, политики и бюрократия в преследовании своих корпоративных интересов **по мере возможности** ссылаются на то, что действуют в соответствии с пожеланиями и чаяниями населения, демократическую волю которого они выполняют. **По мере же необходимости** они идут вопреки этой воле, если того слишком уж требуют те же корпоративные интересы. Так, в США и иных странах широкие круги кровно заинтересованы в сохранении репрессивной политики по отношению к наркотикам. Совершенно неуместным в этой связи оказывается растущий скептицизм американской публики в отношении войны с наркотиками. Отдавая дань этому скептицизму, политики смягчили риторику, но не законы, и не изменили распределение бюджетных средств в области контроля над оборотом наркотиков. 60% этих бюджетов расходуется на различного рода репрессивные меры, 10-15% на медицинские цели, работу с молодёжью и т. п. В чём-то консервативные политики охотно ссылаются на «мнение народа», однако же, не тогда, когда речь заходит о легализации применения марихуаны. Дело, очевидно, в том, что по вопросу преследования марихуаны публика занимает более либеральную позицию, чем законодатель. Конгресс США отказался выделять средства на подсчёт голосов в референдуме по этому вопросу в федеральном округе Колумбия. Всё же, по решению суда, голоса были подсчитаны, и оказалось, что 69% граждан выступают за легализацию. Когда 4 штата ввели программы медицинского использования марихуаны в целях купирования симптомов, федеральные агенты приня-

лись арестовывать пациентов, которым она была прописана, за хранение (53, р. 143 и далее).

Вопросы уголовной юстиции образуют область, в которой трудно провести границу между мнением бюрократии и политиков, особенно прагматической ориентации. Такие политики «...сконструировали особую модель отношения публики к преступности: граждане, позиция которых определяется их страхом, признают только жёсткие меры» (16, р. 22). Данная конструкция используется объединёнными силами законодателей и судей жёсткой ориентации, политиков и средств массовой информации для создания жёсткой системы репрессивного подавления преступности (44, р. 151). В своём исследовании Оймет и Койль обнаружили, что страх перед преступностью не связан с карательными притязаниями. Практики же системы правосудия исходят из выдуманной ими самими взаимосвязи, что влияет на суровость их приговоров в отношении незначительных преступлений (там же, р. 160-161).

Следует отметить, что критика тенденциозности ссылок законодателя и судей на общественное мнение порой сама грешит тенденциозностью в попытке показать, что граждане либеральнее и толерантнее, чем они есть на самом деле. Показательными являются спекулятивные предположения о возможных результатах Международного обследования потерпевших от преступности (MCVS). В анкете респондентам предлагалось выбрать одну из мер воздействия на преступника, описание деяния и личных данных которого тут же предлагалось. Комментаторы этих данных спекулируют, что, если бы респондентам было предложено выбрать несколько вариантов воздействия, ещё большая доля предпочла бы общественные меры в сочетании со штрафом, а значит, меньшая доля выбрала бы лишение свободы (48, р. 39-41). Предполагается также, что возможность выбрать общественные меры в сочетании с заключением также повысила бы долю выбравших общественные меры. В итоге, авторы приходят к выводу, что предпочитающих общественные меры вдвое больше, чем предпочитающих лишение свободы. Данные при этом рассчитываются не общим массивом, а как среднее от значений по отдельным странам. В США с их населением соотношение выбравших общественные меры с одной стороны, лишение свободы с другой оказалось 38 к 56; в Австрии же – 86 к 10. Подобные показатели были сложены по 18 странам, и затем были рассчитаны

средние значения по соотношению сторонников общественных мер и тюрьмы. Факт возрастающей поддержки тюремных мер по данным за 1996 и 2000 гг. упоминается вскользь в конечной сноске, и тут же указывается на узость сопоставительной базы (7 стран) для интерпретации этого результата в качестве показателя общей тенденции (48, p. 41, 57 fn. 12). Столь же некритически интерпретируется предпочтение возмещения ущерба наказанию (48, p. 39, 56). Следует заметить, что такое предпочтение вовсе не обязательно отражает низкий уровень карательных притязаний, а скорее элементарный прагматизм и индивидуализм. Не говоря уже о том, что выбор в пользу возмещения ущерба может быть продиктован представлениями о том, что условия за решёткой «как в санатории» (19, p. 158).

В некоторых случаях между политиками и гражданами возникает и либеральный консенсус. Так, с начала 2000-х годов в США отмечается (обусловленная фискальными соображениями) заинтересованность политиков в сокращении практики тюремных мер за счет расширенного использования альтернатив. При этом политики боятся несогласия публики (19, p. 148). И напрасно: значительное число опросов показывает, что публика поддерживает использование общественных мер вместо тюрьмы гораздо активнее, чем политики полагают или желают полагать (60, p. 55; 48, p. 38). Очевидно, политики боятся лишь некоего пугала – того образа карательно настроенной публики, который они сами создали в своём воображении. Как создаётся такое пугало, показывает практика ссылок на общественное мнение, демонстрируемая высказыванием австралийского премьер-министра о публичной поддержке ужесточения уголовной политики по ряду позиций. При пристальном рассмотрении оказалось, что министр ссылается на нерепрезентативные данные низкокачественного газетного опроса (53, p. 26). В этом опросе использовались откровенно манипуляционные (причём абсурдные) постановки вопросов: «Для удовлетворения интересов потерпевшего, считаете ли Вы необходимым осудить злостного убийцу за каждое совершённое им убийство на 25 лет?» Обращаясь подобным образом с общественным мнением, несложно убедить себя самого в преобладании карательных требований и настроений. И вот результаты такого самоубеждения: Рили и Роуз открыли, что публика в штате Вашингтон придерживается более либеральных взглядов, чем полагают политики (46). Им вторят Готфредсон и Тэйлор: согласно их данным, политики в штате Мэриленд очень недооценивают потенциал

публичной поддержки пенитенциарной реформы (25). Ещё одна группа авторов выяснила, что в Теннесси законодатели штата существенно переоценивают поддержку смертной казни гражданами (62).

Помимо скепсиса политиков в отношении публичной поддержки инициатив по реформе уголовной политики, тенденция роста тюремного комплекса обладает сильной инерцией, в основе которой лежат корпоративные интересы мощных организаций. Эти обстоятельства (наряду с отсутствием инфраструктуры и логистики исполнения некарательных мер), по-видимому, блокируют воплощение в жизнь консенсуса политиков и населения в той части, в которой он характеризуется преобладанием настроений в пользу «нетюремных» мер воздействия.

Модель 2. Манипуляция избирателями и репрессивная демагогия

В рассмотрении репрессивной тенденции важно разделять две концептуальных схемы. Если корни репрессивной тенденции усматривать в пассивном приспособлении политиков к настроениям и предпочтениям избирательских масс, речь идёт о карательном популизме (53, р. 64 и далее). Если же потенциальным избирателям внушается необходимость жёстких мер, а затем политики ссылаются на возросшие карательные притязания (результат такого внушения), мы имеем дело с манипуляцией (53, р. 3). С позиции второй модели, объясняющей репрессивную тенденцию, она рассматривается в качестве продукта политической и масс-медийной манипуляции мнением граждан.

По наблюдениям ряда авторов, постоянные речи с высокой трибуны о необходимости сурового наказания имеют следствием инфляцию карательных притязаний: то, что вчера казалось достаточно суровым, сегодня вообще не воспринимается как суровое. В общественном сознании закрепляется стереотип «вор должен сидеть в тюрьме»; вопрос о том, как поступать с вором, автоматически перекодируется в вопрос «сколько лет». Альтернативные виды наказания теряются из поля зрения (53, р. 33; 63). Тем самым, легитимные субъекты власти активно содействуют углублению и усугублению репрессивно-карательного крена во внутренней и внешней политике. В этом можно усмотреть проявление их беспомощности перед лицом современных рисков, составляющих один из конститутивных элементов понятия глобализации. В самом простом варианте речь идёт об ограниченности по-

тенциала **национальных** правительств в решении **глобальных** проблем. Правительства не имеют достаточных организационных, материальных, интеллектуальных и прочих ресурсов, равно как и индивидуально-корпоративной эгоистической заинтересованности в реальном решении проблем. В силу этого, они демагогически стремятся создать иллюзию разрешимости (нейтрализуемости, изолируемости, устранимости) проблем простыми средствами, а также продемонстрировать собственные энергичные усилия по их решению. «Вместо обеспечения социальных реформ, государство пытается обеспечить эффективное сдерживание социальных угроз и рисков» (53, р. 69). Карательно-репрессивное управление, по своей сути, есть способ постоянного «решания» социальных проблем без какой-либо перспективы их действительного решения. Это открывает возможность, ничего не меняя в существующей системе отношений и не затрагивая тем самым интересов субъектов, занимающих элитарные позиции в данной системе, создавать видимость осуществления активной и решительной политики. Тем самым объясняется корреляция между двумя основными конститутивными компонентами правоконсервативно-ультралиберального мировоззрения: приверженности к репрессивным средствам управления во вполне логичном сочетании с индивидуалистическими концепциями человека и общества и неприятием структурных реформ, а также структурного видения социальной реальности и социальных проблем. Инструментом легитимации правоконсервативной и социально-импотентной политики выступает трансляция в общественное сознание по каналам средств массовой информации и теледемократии (пиар, политический маркетинг и т. д.) образов врага. Таким образом может быть советская угроза или капиталистическое окружение, террористы, организованные преступники, наркоторговцы, педофилы и т. д. В результате создаётся почва для широкой общественной легитимации карательных средств государственного управления. Общество желает наказания, но желание это исходит не из глубин самого общества, а транслируется в массовое сознание "сверху" таким же образом, как потребность в предметах престижного потребления генерируется средствами вездесущей рекламы². В полном соответствии со спецификой совре-

² На уровне системного анализа, сходство между образом функционирования рынка, шоу-искусства и телеполитики позволяет говорить о процессе, противоположном столь детально описанной Луманном дифференциации функциональных подсистем общества. Всё более стираются грани между «символически генерализованными ме-

менного рынка, спрос на карательные меры целенаправленно формируется под готовое предложение носителями этого предложения. Наиболее детально тезис о взаимосвязи "манипуляционной демократии" с карательным популизмом разработан в исследованиях Кэтрин Беккет (4).

Можно привести ряд конкретных наблюдений в пользу концепции Беккет. По одному из таких наблюдений английских авторов, подтверждаемому высказыванием официального лица (Высшего Лорда Юстиции Бингхэма), судебная практика ужесточается под давлением общественного мнения (31, р. 1; 21; 47). На долю субъектов уголовно-политической практики приходится довольно пассивная роль в «политико-публицистическом кругообороте» нагнетания правопорядческой истерии. Мнение населения формируется под воздействием средств массовой информации и политического дискурса; в свою очередь, судебная и правоприменительная практика формируется под воздействием мнения населения, каким его представляют, опять же, средства массовой информации (53, р. 85 и далее).

Динамика материалов СМИ о преступности обычно совпадает с динамикой общественной обеспокоенности данной проблематикой. При этом Беккет полагает, что масс-медийные паники обычно предшествуют паникам широкой общественности. По данным Центра связей с общественными организациями и анализа ABC, CBS и NBC, доля материалов, посвящённых преступности, среди десяти основных тем неуклонно возрастала в США на протяжении 1990-х годов, достигнув пика в 1993 году. На протяжении 1993-97 годов преступность удерживала лидерство в качестве самой популярной темы средств массовой информации, затем её популярность несколько снизилась. Второе место по популярности тема преступности занимала в 1996 и 1999 годах, третье в 1992 и 1998. В 2000 году доля материалов о преступности сократилась на 39% (что совпало во времени с резким снижением уровня преступности в США (41).

Служба диалоговой информации (Dialog Information Service) в США в 1996 году обследовала материалы 26 крупных газет и 3 телеканалов (CBS, NBC и Fox) за период с января 1992 по март 1994 года. Объём сообщений о насилии был стабилен

диумами» и «системными кодами» политической, экономической систем и мутировавшего к шоу-бизнесу театра при явном доминировании экономической коммуникации, агрессивно простирающей свои метастазы во все системные сферы общества и перекодирующей их внутренние автопойетические процессы на собственный системный код (43, S. 255).

до июля 1993, затем пережил резкий рост и вновь падение после января 1994. Отмечен 400%-ный рост объёма сообщений о преступности с июня по ноябрь 1993, после чего имел место также беспрецедентный рост в озабоченности американского населения проблемой преступности. Эти наблюдения подтверждают выводы Беккет о том, что рост материалов о преступности предшествуют росту общественного беспокойства – средства массовой информации инициируют общественные настроения, а не откликаются на них.

Если мир представляется некомфортным и неудобным, если смутно воспринимаемые угрозы ставят под вопрос основы привычного порядка вещей и отношений, средства массовой информации выполняют некую «упорядочивающую» функцию. В их поле зрения преимущественно попадают разного рода девиации, явления, не укладывающиеся в привычный порядок. Сообщая об этих явлениях, они вносят некоторое разнообразие в монотонное течение дней. С другой стороны, они классифицируют отклоняющиеся явления, снабжают их ярлыками, находят для них место в системе координат социального мира (53, р. 80). Тем самым они способствуют восстановлению порядка за счёт «поглощения» им девиации. Неудобный мир всегда предлагает удобные объяснения (своего неудобства), говорил Луман. Объяснения – и извинения: как можно обвинять мир в несовершенстве, если всё дело в злой преступной воле отдельных лиц, волей недоразумения оказавшихся в одном мире с нами? Фигура преступности и преступника играют важную роль в объяснении (и извинении) того, что мир оказывается не так приветлив и дружелюбен по отношению к нам, как мы этого ожидаем с полным на то основанием.

Герлинда Смаус полагает, что акцентуация на проблеме преступности в политическом дискурсе и средствах массовой информации есть инструмент отвлечения публики от иных проблем, связанных с диспропорциями существующего строя, отношений власти и собственности. Этот тезис у неё представлен в очень жёсткой форме, почти в духе теории заговора (58, р. 120 и далее).

В целом, работы Беккет, Смаус и ряда других авторов направлены на критику тезиса «демократия в работе» (*Democracy at Work*). Согласно этому тезису, результатом либеральной уголовной политики 1960-70-х гг. стал рост преступности – в США и не только. Этот рост обеспокоил население; обеспокоенное население потребовало принятия мер, имеющих целью остановить рост преступности. Политики

же выполнили пожелания публики, результатом чего явился тюремный бум в США и ряде других стран (53, р. 62 и далее). В ответ на это Робертс утверждает: «...политики не только следуют общественному мнению, но и ведут его за собой. Было бы большим упрощением, видеть демократию в том, что жёсткая уголовная политика является ответом на явные пожелания публики. Это означало бы поставить знак равенства между демократией и неинформированным плебисцитом, ничего общего не имеющим с правлением избранных представителей. В основе такой уголовной политики лежала бы 'гонка наказаний': страх, показаться слишком мягким в отношении преступности и желание, ни в коем случае не показаться мягче своего политического оппонента...» (53, р. 161).

Критики тезиса «демократия в работе» утверждают, что политики апеллируют к настроениям публики, но эти настроения созданы самими же политиками с помощью средств массовой информации. Однако Дэвид Гарланд указывает на то, что истерико-параноидальные послания средств массовой информации являются хоть и необходимым, но отнюдь не достаточным условием для возникновения соответствующих настроений населения. Другим необходимым условием является собственная готовность публики к восприятию таких посланий (22, р. 146).

Ссылки на общественное мнение для оправдания ужесточения уголовной политики не выдерживают критики по целому ряду позиций. Общественное мнение о преступности, на которое ссылаются, носит характер абстрактных карательных притязаний, имеющих предметом идеально-типический образ преступления и преступника. Как показывают эмпирические данные, это обычно образ рецидивиста, совершающего тяжчайшие преступления; «отвечая на вопрос о преступнике, человек при этом имеет в виду наихудшие случаи» (31, р. 4, 27; 13; 37, р. 81). В действительности же, такие лица составляют ничтожную долю тех, кому приходится предстать перед судом. Ужесточение карательной практики оказывается направленным совсем не на такие ситуации и не на таких личностей, которых имеет перед своим мысленным взором общественность, требуя более суровых наказаний. Возникает ситуация подлога. Отвечая на вопрос о том, следует ли карать суровее, население имеет в виду только Иванова. Юстиция же карает суровее и Иванова и Петрова и Сидорова и ещё пару сотен тех, чьи деяния ни имеют ничего общего с теми, за которые население считает необходимым более суровое наказание для

Иванова. Так, ужесточение карательной практики в США сопровождалось ссылкой на общественное мнение, имевшее в виду более суровое наказание прежде всего насильственных преступников. Объектом же этого ужесточения стали в массе своей ненасильственные преступники, составившие львиную долю пополнения тюремного населения, достигшего в результате гигантских размеров (8).

Аналогичные данные приводятся в отношении последствий ужесточения ювенальной юстиции в США: направленное против насильственной преступности законодательство 1998 года на практике было применено в отношении массы подростков, более половины которых составляли совершившие ненасильственное преступление (53, р. 117). Особенно такие диспропорции проявляются в области борьбы с наркотиками. В 1994 в Канаде, из общей массы «наркотических» арестов, две трети были произведены за простое хранение. В Австралии, из общей массы обвинений, связанных с наркотиками, три четверти предъявляется по поводу потребления марихуаны. В 1999 году в Англии 90% арестов, связанных с наркотиками, произведены за хранение, по большей части марихуаны. В США в 1994 году было произведено 1,5 млн. арестов за нарушение законодательства об обороте наркотиков, из них 80% за простое хранение. Причём в США, в отличие от других стран, в таких случаях речь идёт о реальном лишении свободы: осуждённые составили 21% заключённых в тюрьмах штатов и 59% в федеральных тюрьмах в 1998 году (53, р. 143, 150). Всё это было не тем, чего желала публика – а тем, что желали политики, чтобы она желала (пример не вполне удавшейся манипуляции). Война с наркотиками предшествовала каким бы то ни было проявлениям общественного беспокойства и показала поразительную независимость от общественного мнения по вопросу о наркопотреблении (53, р. 144-5).

Отношения между средствами массовой информации и населением характеризуется сложной диалектикой. Средства массовой информации подстраиваются под общественное мнение, но одновременно же его и формируют (там же, р. 175). То же самое можно сказать и о политиках. Пользуясь карательной демагогией в псевдополитических целях снискания дешёвой популярности, они сами становятся заложниками этой демагогии. Через некоторое время и политики, и средства массовой информации обнаруживают, что им ничего не остаётся, кроме как «дуть в ту же дуду». Сформированные ими в населении позиции обрели характер устойчивых

стереотипов, под которые им теперь уже приходилось подстраиваться (53, р. 65). Это показывает роль вопроса о смертной казни в контексте предвыборных кампаний американских президентов. Поддержка данного наказания является своего рода «лакмусовым тестом» на пригодность к занятию президентского кресла, оппоненты же смертной казни заранее обрекают себя на необходимость защиты от упреков в чрезмерной мягкости по отношению к преступности. Не иначе обстоят дела и в случае выборов в губернаторы отдельных штатов (10).

Чтобы предложить сбалансированную картину, следует упомянуть и оппонентов тезиса манипуляции мнением населения по вопросам преступления и наказания. С резкой критикой тезиса манипуляционных отношений между политиками и населением выступил Кристиан Шварценеггер. Он показал, что мнение населения по вопросам преступности и реакции на неё формируется не только под воздействием государственных усилий, призванных отвлечь внимание от иных проблем. Обеспокоенность преступностью не исключает критического отношения к отношениям угнетения, подавления и маргинализации (56, S. 180, 326). Во многих случаях, например, по вопросу полуоткрытой площадки потребления наркотиков, официальные органы в Швейцарии занимали скорее сдержанную и либеральную позицию, взывая к чувствам и соображениям социальной солидарности. Карательные инициативы исходили, напротив, от общества в лице озабоченных проблемой владельцев ресторанов и магазинов, обвинявших власти в мягкотелости (там же: 326). Однако всё это столь же не исключает параллельного существования манипуляционных процессов, сколь озабоченность преступностью и наркотиками не исключает озабоченности отравлением окружающей среды.

Модель 3. Общественное мнение как фактор уголовной политики

Согласно первой из представленных выше моделей, уголовная политика является продуктом «продавливания» своих интересов правоохранительными лобби, безотносительно к мнениям и настроениям граждан. Во второй модели общественное мнение предстаёт продуктом манипуляции в масс-медийной и политической коммуникации. Однако карательные притязания можно рассматривать и в качестве самостоятельного фактора уголовной политики.

О взаимосвязи между карательными притязаниями публики и суровости уголовной политики можно судить с достаточным на то основанием. Робертс и Дуб при анализе данных по ряду стран обнаружили, что уровень применения лишения свободы взаимосвязан с уровнем предпочтений публики в пользу тюремных мер (50). По данным первого сеанса Международного обследования потерпевших (ICVS), проводившегося в 14 странах, обнаружена сильная взаимосвязь ($r = 0.61$) между суровостью судебных приговоров и карательными притязаниями публики (18). По данным межрегионального сравнения в рамках того же исследования установлено, что рост тюремного населения и карательных подходов наблюдается в тех странах и регионах, где как раз происходит рост предпочтений населения в пользу тюремных мер (Западная Европа, США, Австралия, Новая Зеландия, Канада). Там, где масштабы тюремной практики сокращаются, наблюдается и снижение тюремных предпочтений – скажем, в крупных городах Центральной и Восточной Европы (40, р. 74-76). По данным Грэбнера, судебная практика носит более карательную направленность в тех штатах США, где выше уровень карательных притязаний (26). Относительно карательных притязаний и карательной практики возникает вопрос: что здесь зависимая, и что – независимая переменная (36, р. 117)?

Успех реформ в области уголовного законодательства в значительной степени определяется тем, как население примет эти реформы. Когда резкий рост тюремного населения в Англии заставил заняться поиском альтернатив, и были разработаны меры, предполагающие содержание осужденных в общинах, встал вопрос о том, как общественность примет эти меры (48, р. 33-34). Этот вопрос, носящий отнюдь не только теоретический характер, издавна служил импульсом к проведению соответствующих исследований (23; 29; 21; 54; 49; 52, р. 209-211). Позиция публики может сказаться на уголовной-политике самым непосредственным образом – вплоть до отмены санкций. Так, на определённый момент оппозиция публики оказалась важным фактором в ограничении применения смертной казни (48: 34).

Конечно, имеет место и обратное воздействие (практикуемой уголовной политики на позиции публики). Неприменение смертной казни, а также правовая традиция и практика в целом влияют на мнения граждан, в частности, по вопросу о смертной казни (38, S. 94 и далее). Однако и давление со стороны общественности определяет уголовно-политический курс в Германии в 1990-е гг. (там же: 99). Воз-

действие общественного мнения возымело следствием принятие ряда уголовно-политических мер в США, определяя разрешительный интервал, в пределах которого политики имеют свободу маневра: в демократическом обществе политика прочно привязана к воле общественности (19, р. 160, со ссылкой на концепцию доверительного интервала Янкеловича [34]). Так, в упрощённом виде, можно представить себе отношения реальной демократии.

Если наблюдается рост карательных притязаний параллельно с ужесточением уголовной политики, возникает вопрос – какой из этих процессов первичен? Конечно, можно успокоиться сравнением данной проблемы с вопросом об отношении между курицей и яйцом (либо же духом и материей). Можно вспомнить вторую модель, основанную на постулате, что правоохранительная и уголовно-правовая практика, средства массовой информации и репрессивная политическая риторика подогревают и стимулируют карательные настроения публики. И всё же, если говорить о средствах массовой информации – не стараются ли они обычно с усердием, достойным лучшего применения, преподнести публике именно то, что публика желает услышать (и увидеть) от них? И может ли уголовная политика игнорировать общественное мнение, внушая публике всё, что угодно? Может ли она функционировать без достаточной поддержки её общественностью, без общественного доверия и уверенности общества в том, что она действует эффективно (30, р. 164). Предпосылкой правового государства является консенсус; эрозия его приводит к кризису доверия, а игнорирование этого кризиса ведёт уже к кризису политическому (33, р. 198-199).

В США судьи, вынося приговоры, глядят одним глазом в обстоятельства дела, сборники прецедентов и уголовный закон, другим же – на публику и её настроения. Действие «невидимой руки» общественного мнения сказывается как на законодательной, так и на судебной практике (48, р. 34; 49; 53). Основным препятствием для применения альтернативных санкций к обвиняемым, для которых предусмотрено также лишение свободы, являются предполагаемые и реальные представления публики о том, что общественные санкции недостаточно суровы (45, р. 12).

Политические последствия непризнания публикой практикуемых мер контроля над преступностью не ограничиваются пределами собственно уголовно-политической области. Если публика недовольна работой системы уголовной юс-

тиции и теряет доверие к политической системе в целом, это открывает дорогу для политических сил, наиболее склонных к обеспечению своего успеха преимущественно на основе использования техник манипуляции (51: 3). Исходя из этого, в Великобритании общественное мнение принимается в расчёт при формировании уголовной политики, что нашло официальное отражение в документах Хоум Офис: «Судебная практика и организационные рамки её осуществления должны быть достойными доверия публики и содействовать укреплению этого доверия... оценка общественным мнением надлежащего функционирования судебной практики была учтена в рекомендациях по формированию новых организационных рамок этой практики» (27, р. II). Целый ряд органов для совместной работы судей и общественности был создан в США, Канаде и Великобритании в целях улучшения взаимопонимания между ними. По заказу комиссий судебных органов проводятся крупномасштабные исследования общественного мнения (51, р. 8).

Наблюдения над развитием уголовной политики «новолейбористов» в Великобритании после 1997 г. показывают картину беспомощных и зачастую неудачных попыток угодить публике. Репрессивный поворот начался ещё при консерваторах, в 1993 г. В средствах массовой информации появились сообщения о сенсационных убийствах: 3-летнего Джэймса Балгера двумя детьми, не достигшими 10 лет, и затем ещё одного подростка. В дополнение к этому, появился ряд критических репортажей об очевидно абсурдных (порой мягких, порой жестоких, но в любом случае нелогичных) судебных решениях. Средства массовой информации создали убедительную картину выходящей из-под контроля волны преступности, в то время как «витающие в облаках и лишённые связи с реальной жизнью либеральные доброжелатели разрушают систему уголовного правосудия» (53, р. 46). Руководителем Хоум Офис был назначен Майкл Ховард, проводивший политику под лозунгом «тюрьма делает своё дело» (“prison works”). За последующие 4 года тюремное население выросло на 50% – и это без каких-либо изменений в законодательстве или числе рассматриваемых уголовных дел. Это изменение климата в сфере уголовного правосудия, вне всякого сомнения, произошло под воздействием карательных настроений публики (там же, р. 46).

В 1999 г. имел место массовый фурор по поводу случая «фермера из Норфолка», Тони Мартина. Страдавший паранойей Мартин собрал у себя целый арсенал

огнестрельного оружия с целью обороны от взломщиков. Он даже спал, не раздеваясь, чтобы не быть застигнутым врасплох в состоянии беспомощной наготы. Винтовка «спала» рядом. До этого он уже был лишён лицензии на обладание огнестрельным оружием, поскольку стрелял по прохожим. Иногда бывает, что наши навязчивые ожидания, сколь бы нелепыми они ни были, сбываются. Можно предположить, что тысячи параноиков так и не испытали того, чего они так боялись и к чему они готовились. Мартину же «посчастливилось» – его час настал, и в его дом вломилось трое подростков. Он пустил в ход свой арсенал, убив при этом одного из них и ранив другого. Суд отказался квалифицировать происшедшее как случай необходимой обороны и осудил Мартина к пожизненному лишению свободы. В стране поднялась моральная паника относительно выходящей из-под контроля преступности в сельской местности и правосудия, наказывающего жертв (53, р. 49). Второй темой стали беспорядки, учинённые английскими футбольными хулиганами: правительство получило упрёк в лояльном отношении к ним. Следствием стали крутые меры, а Тони Блэйр открыто признал, что в вопросах правопорядка партия особенно не может позволить себе отклоняться от направления, задаваемого общественным мнением (там же, р. 50).

Однако никакие меры не смогли защитить правительство от атак со стороны прессы после изнасилования и убийства летом 2000 г. 9-летней Сары Пэйн. Страна была потрясена. Жёлтая пресса запустила кампанию “Name and Shame” («Назвать поимённо и устыдить»). Основной идеей было обеспечение права родителей на информацию о любых источниках риска для их детей по месту проживания, включая факт проживания и адреса педофилов или лиц, осуждённых ранее за преступления в отношении детей на сексуальной почве. Одна из газет обещала еженедельно публиковать список 50-ти таких лиц. От этой затеи пришлось отказаться после ряда случаев дезинформации и столкновений добровольных блюстителей порядка с полицией, защищающей от них мнимых и действительных педофилов (53, р. 50-51). В целом же, данная история показывает, что настроения публики как фактор формирования уголовной политики оказались сильнее, чем концепции специалистов, корпоративно-бюрократические интересы и предпочтения политиков.

В Калифорнии, закон об обязательном пожизненном заключении при задержании в третий раз за аналогичное преступление (закон о «трёх ударах...») был

принят при поразительном единодушии законодателей. «Политическое давление в направлении увеличения сроков и ужесточения наказаний превзошло любые иные политические мотивы и соображения. ‘Закон о трёх ударах’ прошёл через обе палаты законодательного органа штата быстрее, чем любое из когда-либо принятых установлений. Даже законодатели, предметом особой заботы которых было сложное финансовое положение штата, не осмелились возражать против этого акта, осуществление которого обещало быть чрезвычайно затратным. Возникло ощущение, что готовность и способность к рациональному анализу, основанному на расчёте затрат и эффективности, сопоставлении альтернатив, просто улетучилась под действием восприятия вышедшего из берегов беспокойства граждан по поводу преступности. Представители законодательной, равно как и исполнительной власти лишь путались в догадках об источнике этой обеспокоенности граждан, поскольку никакие данные не давали основания судить о росте преступности» (55, р. 15).

Заключение

В данной статье рассматриваются тенденции развития позиций населения, правоохранительных органов и средств массовой информации по вопросам контроля над преступностью в западных странах в 1990-е гг. Естественным образом напрашиваются два вопроса: о том, как на этом фоне выглядит Россия, и о дальнейшем развитии в западных странах, после 2000 года.

Оба эти вопроса были предметом исследования, проведённого автором в 2003 году в виде экспертного опроса о тенденциях развития уголовной политики в западных странах и в России (1). Сравнивая Россию с западными странами, можно сказать, что развитие в нашей стране характеризуется большей амбивалентностью и эклектикой: карательные тенденции соседствуют с либеральными инициативами по сокращению тюремного населения. Причём в основе таких инициатив лежит отнюдь не человеколюбие, а фискальные соображения облегчения нагрузки на бюджет, создаваемой содержанием пенитенциарной системы. Определённую роль играет также стремление, принять и сохранить облик либеральной и демократической державы перед критическим взором западных стран, к сотрудничеству с которыми мы стремимся в экономической и иных областях. Более подробное рассмотрение отечественной проблематики может составить предмет отдельной работы,

которая, вне всякого сомнения, последует (в настоящее время автор проводит соответствующие исследования).

Что же касается временных рамок рассматриваемого развития, и ограничений на эти рамки, они обусловлены необходимостью определённой временной дистанции для более или менее однозначного заключения по тенденциям определённого периода. В настоящее время можно сказать, что 10-летний период по завершению противостояния Восточного и Западного блока характеризуется отчётливым преобладанием репрессивной тенденции. Это тем более удивительно, что от завершения противостояния (и очередной «волны демократизации») можно было ожидать (и многие ожидали) потепления как во внешней, так и во внутренней политике. О внешней политике предоставим судить специалистам; в области же политики внутренней такого потепления не произошло ни на Западе, ни на Востоке. В области контроля над преступностью и отношения общества к проблемам преступления и наказания, ветер на Западе сегодня дует в иную сторону, нежели в 60-70-х годах прошлого столетия, характеризовавшихся преобладанием либеральных тенденций. На сегодняшний же день там возобладали иные тенденции, вряд ли достойные принятия за образец для подражания.

Вопрос о продолжении этих тенденций в наступившем тысячелетии можно перефразировать следующим образом: являются ли они случайным и локализованным в области контроля над преступности отступлением от общего направления развития, в целом направленного на повышения уровня гражданских прав и свобод, благосостояния и социального включения? В таком случае можно ожидать, что вскорости маятник качнётся в обратную сторону, в направлении расширения практики некарательных мер в уголовной политике. Или же они детерминированы развитием экономических и социальных отношений, являясь индикатором вектора данного развития и развития общества в целом? В этом случае есть основания опасаться, что репрессивные тенденции в области уголовной политики угрожают опрокинуть основы правовой государственности и конституционного порядка и привести к становлению полицейского государства (55) в рамках контрольно-надзорной культуры общества (22). Перспектива достаточно тревожная для повышенного внимания к ней как со стороны науки, так и со стороны политики.

Литература

1. Гольберт В. Карательный популизм: коллатеральные (ли) эффекты глобализации? // Криминология вчера, сегодня, завтра. 2006. № 1(10). С. 30-62.
2. Погорельская С. В. «Вечно вчерашние»: правый популизм и правый радикализм в Западной Европе. // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 3. С. 51-63.
3. Allen, R. Foreword // *Changing Attitudes to Punishment. Public Opinion, Crime and Justice* / Ed. by J.V. Roberts, M. Hough. Willan, 2002: P. XVII-XVIII.
4. Baer, J. & Chambliss, W. J. *Generating Fear: the Politics of Crime Reporting* // *Crime, Law and Social Change*. 1997. No 27/2, p. 87-107.
5. Beckett, K. *Making Crime Pay. Law and Order in Contemporary American Politics*. Oxford: Oxford University Press, 1997.
6. Beckett, K. & Sasson, T. *The politics of injustice: Crime and punishment in America*. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press, 2000.
7. Besserer, S. *Criminal victimization: an international perspective* // *Juristat*. 2002. No 22(4).
8. Birsl, U. & Loesche, P. (Neo-)Populismus in der deutschen Parteienlandschaft. Oder: Erosion der politischen Mitte // *Schattenseiten der Globalisierung* / Hrsg. Von D. Loch, W. Heytmeier. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2001. P. 346-377.
9. Blumstein, A. & Beck, A. J. *Populations growth in U. S. prisons, 1980-1996* // *Crime and justice: A review of the research*. Vol. 26, Prisons . Ed. by M. Tonry & J. Petersilia. Chicago: University of Chicago Press, 1999.
10. Bottoms, A. E. *The Philosophy and Politics of Punishment and Sentencing* // *The Politics of Sentencing Reform* / Ed. by C, Clarkson, R. Morgan. Oxford: Clarendon Press, 1995.
11. Bowers, W. J. *Capital Punishment and Contemporary Values: People's Misgivings and the Courts's Misreceptions* // *Law & Society Review*. 1993. Vol. 27. No. 1. P. 157-175.
12. Brownlee, I. *Community Punishment. A Critical Introduction*. London: Longman, 1988.
13. Butterwegge, C. & Meier, L. (1997): Bremen – das kleinste Bundesland als parlamentarisches Experimentfeld für die extreme Rechte (1952/52, 1967-1971, 1987-1995). // *Rechtsextremisten in Parlamenten* / Hrsg. von C. Butterwegge, B. Griese, C. Krueger, L. Meier, G. Niermann. Opladen: Leske & Budrich, 1997. S. 9-53
14. Canadian Sentencing Commission (ed.): *Sentencing reform: A Canadian Approach*. Ottawa, 1987
15. Cavadino, M. & Dignan, J. *The Penal System*, 3rd edn. London: Sage, 2002
16. Christie, N. *Crime Control as Industry. Towards Gulags, Western Style*, the 3rd edition. London & New York: Routledge, 2000.
17. Cullen, F.T.; Clark, G.A. & Wozniak, J.F. (1985): Explaining the “get tough” movement: Can the public be blamed? // *Federal Probation*. 1985. No. 49(2). P. 16-24.
18. Cullen, F.T.; Pealer, J.A; Fisher, B.S.; Applegate, B.K & Santana, S.A. Public support for correctional rehabilitation in America: change or consistency? // *Changing Attitudes to Punishment. Public Opinion, crime and justice* / Ed. by J.V. Roberts, M. Hough. Willan, 2002. P. 128-147
19. Van Dijk, J..J.M.; Mayhew, P. & Killias, M. *Experiences of Crime across the World*. Deventer (NL) and Boston: Kluwer, 1990.

20. Doble, J. Attitudes to punishment in the US – punitive and liberal opinions // *Changing Attitudes to Punishment. Public Opinion, crime and justice* / Ed. by J.V. Roberts, M. Hough. Willan, 2002. P. 148-162
21. Doob, A.N. Transforming the punishment? Environment: understanding public views of what should be accomplished in sentencing // *Canadian Journal of Criminology*. 2000. No 42(3). P. 323-341.
22. Diamond, S.S. & Stalans, L.J. The myth of judicial leniency in sentencing / *Behavioral Science and the Law, Special Issue on Sentencing*. 1989. No 7(1). P. 73-89.
23. Garland, D. *The Culture of Control*. Oxford, 2001.
24. Gibbons, D. Crime and punishment: a study in social attitudes // *Social Forces*. 1969. No 47. P. 391-397.
25. Golbert, V.: *Innere Sicherheit in unterschiedlichen gesellschaftlichen Kontexten.: Münster-Hamburg-London: Lit-Verl., 2003*
26. Gottfredson, S. & Taylor, R. Public policy and prison populations: measuring opinions about reform // *Judicature*. 1984. No 68. P. 190-201.
27. Graebner, D.B. Judicial activity and public attitude: a quantitative study of selective service sentencing policy in the Vietnam War Period // *Buffalo Law Review*. 1974. No 23(2). P. 465-498.
28. Home Office. *Making punishments work. Report of a review of the sentencing framework for England and Wales*. London: Home Office, 2001.
29. Hough, M. People Talking About Punishment // *The Howard Journal*. 1999. No 35. P. 191-214.
30. Hough, M. & Mayhew, P. *Taking Account of Crime: Key Findings from the Second British Crime Survey*. Home Office Research Study No. 85. London: HMSO, 1985.
31. Hough, M. & Park, A. How malleable are attitudes to crime and punishment? Findings from a British deliberative poll // *Changing Attitudes to Punishment. Public opinion, crime and justice* / Ed. by J.V. Roberts, M. Hough. Willan Publishing, 2002. P. 163-183
32. Hough, M. & Roberts, J. *Attitudes to punishment: findings from the British Crime Survey*. London: Home Office, 1998.
33. Hulsman, L. The Abolitionist Case: Alternative Crime Policies // *Israel Law Review*. Vol. 25. Nos 3-4. Summer-Autumn 1991. P. 681-709.
34. Indermaur, D. & Hough, M. Strategies for changing public attitudes to punishment // *Changing Attitudes to Punishment. Public opinion, crime and justice* / Ed. by J.V. Roberts, M. Hough. Willan Publishing, 2002. P. 198-214.
35. Jankelovich, D. *Coming to Public Judgement. Making Democracy Work in a Complex World*. Syracuse, NY: Syracuse University Press, 1991.
36. Kreissl, R. Die Konjunktur Innerer Sicherheit und die Transformation der gesellschaftlichen Semantik // *Inszenierung: Innere Sicherheit* / Hrsg. von R. Hitzler, H. Peters. Opladen, 1998.
37. Kuhn, A. Public and judicial attitudes to punishment in Switzerland // *Changing Attitudes to Punishment. Public opinion, crime and justice* / Ed. by J.V. Roberts, M. Hough. Willan, 2002. P. 115-127.
38. Kury, H.; Kania, H. & Obergfell-Fuchs, J. Worüber sprechen wir, wenn wir über Punitivität sprechen? Versuch einer konzeptionellen und empirischen Begriffsbestimmung // *Punitivität* / Hrsg. von R. Lautmann, D. Klimke, F. Sack. *Kriminologisches Journal*. 2004. 36 Jg. 8. Beiheft. S. 51-88.

39. Kury, H.; Obergfell-Fuchs, I. & Würger, M. Strafeinstellungen. Ein Vergleich zwischen Ost- und Westdeutschland. – Freiburg i. Br., 2002.
40. Mair, G. Technology and the future of community penalties // *Community Penalties. Change and Challenges* / Ed. by A. Bottoms, L. Gelsthorpe, S. Rex, S. Cullompton: Willan Publishing, 2001.
41. Mayhew, P. & van Kesteren, J. (2002): Cross-national attitudes to punishment // *Changing Attitudes to Punishment. Public Opinion, crime and justice* / Ed. by J.V. Roberts, M. Hough. Willan, 2002: 63-92.
42. Media Monitor 15, no. 1, Jan/Feb. 2001, published by the Center for Media and Public Affairs: <http://www.cmpa.com/index.htm>
43. Lockhart, B. & Blair, C. Community sanctions and measures in Ireland // *Community Sanctions and Measures in Europe and North America* / Ed. by H. Albrecht, A. Kalmhout. Freiburg: Edition Iuscrim, 2002.
44. Neckel, S. „Leistung“ und „Erfolg“. Die Symbolische Ordnung der Marktgesellschaft // *Gesellschaftsbilder im Umbruch. Soziologische Perspektiven in Deutschland* / Hrsg. von E. Barlosius, H.-P. Müller, S. Steffen. Opladen: Leske und Budrich, 2001: S. 247-267.
45. Oimet, M. & Coyle, E. J. Fear of crime and sentencing punitiveness: Comparing the general public and court practitioners. – *Canadian Journal of Criminology*. 1991. Vol. 33, No 2. P. 149-162.
46. Petersilia, J. Diverting nonviolent prisoners to intermediate sanctions: the impact on California prison admissions and corrections costs // *Corrections Management Quarterly*. 1997. No 1. P. 1-15.
47. Riley, P. & Rose, V. Public vs. elite's opinion on correctional reform: implications for social policy // *Journal of Criminal Justice*. 1980. No 8. P. 345-356.
48. Roberts, J.V. Public opinion and the nature of community penalties: international findings // *Changing Attitudes to Punishment. Public Opinion, crime and justice* / Ed. by J.V. Roberts, M. Hough. Willan, 2002a. P. 33-62.
49. Roberts, J.V. Public opinion and the nature of community penalties: international findings // *Changing Attitudes to Punishment. Public Opinion, crime and justice* / Ed. by J.V. Roberts, M. Hough. Willan, 2002b. P. 33-62.
50. Roberts, J.V. Public opinion and sentencing policy // *Reform and Punishment: The Future of Sentencing* / Ed. by S. Rex, M. Tonry. Toronto: University of Toronto Press, 2002c.
51. Roberts, J.V. & Doob, A. Sentencing and public opinion. Taking false shadows for true substance // *Osgood Hall Law Journal*. 1989. No 27. P. 491-515.
52. Roberts, J.V. & Hough, M. Public attitudes to punishment: The context // *Changing Attitudes to Punishment. Public Opinion, crime and justice* / Ed. by J.V. Roberts, M. Hough. Willan, 2002. P. 1-14.
53. Roberts, J. V. & Stalans, L. J. *Public Opinion, Crime and Criminal Justice*. Boulder CO: Westview Press, 1997.
54. Roberts, J. V.; Stalans, L. J.; Indermaur, D. & Hough, M. *Penal Populism and Public Opinion. Lessons From Five Countries*. Oxford: Oxford University Press, 2003.
55. Roggan, F. *Auf legalem Weg in einen Polizeistaat*. Bonn: Pahl-Rugstein, 2000.
56. Rossi, P.H. & Berk, R.A. *Just Punishments: Federal Guidelines and Public Views Compared*. New York: Aldine de Gruyter, 1997.

57. Rubin, E. Introduction: Minimizing harm as a solution to the crime policy conundrum // *Minimizing harm: A new crime policy for modern America* Ed. by E. Rubin. Boulder, CO: Westview Press, 1999.
58. Schwarzenegger, Ch. Die Einstellungen der Bevölkerung zur Kriminalität und Verbrechenskontrolle. Freiburg i. Br., 1992.
59. Seiter, R. Public safety and community supervision: an oxymoron? // *Correctional Management Quarterly*. 1998. No 2. P. IV-V.
60. Smaus, G. Das Strafrecht und die Kriminalität in der Alltagssprache der deutschen Bevölkerung. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1985.
61. Taggart, P. (2000): *Populism*. Buckingham, England: Open University Press, 2000.
62. Tonry, M. Community penalties in the US // *Community Sanctions and Measures in Europe and North America* / Ed. by H. Albrecht, A. Kalmthout. Edirion Iuscrim, 2002
63. Wacquant, L. *Elend hinter Gittern*. Konstanz: Universitätsverlag Konstanz, 2000.
64. Whitehead, J.; Blankenship, M. & Wright, J. Elite versus citizen attitudes on capital punishment: incongruity between the public and policy makers // *Journal of Criminal Justice*. 1999. No 27. P. 249-258.
65. Young, W. & Brown, M. Cross-national comparisons of imprisonment // *Crime and Justice: A review of the research*: Vol.17 / Ed. by M. Tonry. Chicago: University of Chicago Press, 1993.